

ВЛАДИМИР
ВИДЖАЙ

КРОВЬ
НЕ
ВОДА

Владимир Виджай

Кровь не вода

«Издательские решения»

Виджай В.

Кровь не вода / В. Виджай — «Издательские решения»,

Повесть Владимира Виджая (псевдоним Владимира Арутюняна) «Кровь не вода» — это воспоминания о нашем далеком и почти вчерашнем прошлом... Действие разворачивается на фоне событий 1930-х годов, Великой Отечественной войны и последующей «холодной войны» между СССР и США. Герои повести — советские разведчики, отважные, рыцарски благородные, самоотверженно преданные своей стране и своим близким.

© Виджай В.

© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть I	11
Путь в разведку	11
Жизнь по легенде	15
Архив для Сталина	19
Встреча	21
В Париже	23
Эрика	25
Разговор	27
Арест	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Кровь не вода

Владимир Виджай

© Владимир Виджай, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

В жизни многих замечательных людей, хорошо известных большому кругу читателей, людей менее знаменитых и малоизвестных, и вообще в жизни людей совсем обычных есть много белых пятен.

Никто не знает, когда, почему и как эти люди становились – или добровольно, или против своей воли, или даже насильно – участниками тех или иных событий...

В предлагаемой читателю повести есть много белых пятен, заполнение которых определенным содержанием столь же легко подвергнуть сомнению, сколь трудно и отвергнуть...

Очень многое, что мы знаем о прошлом, время от времени опровергается пытливыми современниками... И этот процесс будет продолжаться вечно, потому что прошлое нас влечет, иногда завораживает. Мы всегда хотим убедиться, что то, что мы знаем о прошлом, действительно имело место... Мы учимся жить, понимая и изучая наше прошлое...

Перед вами – воспоминания о нашем далеком и почти вчерашнем прошлом...

Вечная связь между днем вчерашним и днем сегодняшним и есть наша жизнь...

В деревне Брызгалове, что стояла на берегу Иртыша, местного скорняка Иннокентия знали как человека набожного и трудолюбивого. Он часто посещал мужской монастырь неподалеку от деревни и подружился там с монахом Федором, человеком умным и совсем, как казалось Иннокентию, необычным. Необычным скорняк считал его, конечно, за ум, но умные люди встречались ему и раньше. Федор же отличался глубоким знанием истории российской и истории иноземных стран. Он мог толково беседовать о разных предметах и событиях. Для Иннокентия, человека тоже совсем неглупого, Федор был большим философом и мыслителем. А Федор нашел в Иннокентии прекрасного слушателя, собеседника. Одним словом, они стали друзьями.

Сегодня Иннокентий, вернувшись из монастыря, заперся в своем небольшом доме, упал на колени перед иконой, подаренной ему его дедом, и долго молился за упокой души своего друга: монах Федор умер у него на руках. Это была большая потеря для Иннокентия. Он редко привязывался к людям так, как к Федору, и ему казалось, что жизнь теперь потеряла свой смысл.

Закончив молитву, скорняк сел на кровать и задумался. Горечь утраты боролась в нем с другим чувством, вызванным предсмертными словами монаха. Иннокентий, уже в который раз, повторял их про себя и каждый раз приходил к выводу, что слова эти были сказаны Федором в бреду и не имеют никакого отношения к реальной жизни. Дело было в том, что перед самой смертью монах Федор открыл своему другу страшный секрет. В тайге живет вдова охотника – Дарья, с которой монах познакомился, заблудившись в лесу. Так вот, эта Дарья родила от Федора сына Павла. И монах просил побеспокоиться о мальчике, добавив:

– Все-таки он – царский сын.

Это никак не укладывалось в голове скорняка, поэтому Иннокентий был склонен посчитать все это бредом.

На следующий день утром Иннокентий вновь отправился в монастырь. Монаха Федора похоронили во дворе монастыря. Настоятель, отец Михаил, сказал, что Бог забрал к себе человека достойного и, возможно, святого.

Возвращаясь к себе домой, Иннокентий все время думал о Дарье. Про себя он все-таки решил навестить ее. Уже через три дня отправился он в тайгу, по дороге перебирая в памяти

откровение монаха. В словах Федора было много реального. Дарья действительно существовала. Иннокентий хорошо знал ее мужа – охотника Никиту, бесследно пропавшего в тайге.

Дом Дарьи Иннокентий нашел без труда. Иногда он бывал у них, чтобы выбрать хорошие шкурки. Дарья заметила скорняка, когда тот вышел на вырубленную еще ее мужем просеку. Она сразу почувствовала что-то неладное. От Федора она знала об их дружбе и, видя приближающегося скорняка, сама вышла из дома с ребенком на руках.

Скорняк увидел ее и остановился. «Значит, все правда», – подумал он. У него даже закружилась голова. Он продолжал стоять и смотреть на нее. Дарья первая пошла к нему навстречу, и, когда они были уже совсем близко, она почти прошептала:

– Что стряслось?

Иннокентий прикоснулся к ее плечу рукой, и они молча пошли к дому. Сидя в доме друг против друга, они все еще молчали, их глаза встретились, и он подумал, что никогда не замечал, какое красивое лицо у Дарьи. Она выжидающе смотрела на него, и тогда скорняк, опустив глаза, тихо сказал:

– Умер Федор.

Иннокентий рассказал Дарье о предсмертном разговоре с Федором, умолчав о царском сыне. Дарья плакала. Плач ребенка привел ее в чувство.

– Павлуша, милый мой, наш папа скончался. Сироты мы с тобой остались, – запричитала мать.

Иннокентий остался у Дарьи до самого вечера. Она не хотела отпускать его на ночь глядя. Они поужинали вместе. За чаем Дарья поведала скорняку о своей первой встрече и о том, как, сама не понимая, оказалась у него в постели, и о том, как они привязались друг к другу, а Дарья впервые в жизни почувствовала себя счастливой женщиной, когда сказала Федору, что носит его ребенка. Мальчика назвали Павлом в честь отца Федора. Рассказ Дарьи казался каким-то странным: она говорила о Федоре, как будто его и не было, а существовало только представление у самой Дарьи, что такой человек возможен. Скорняк внимательно слушал и все больше убеждался, что за всем стоит какая-то тайна. Но внезапная мысль, что Федор – царь, показалась снова невероятной, и он сразу же ее отбросил.

Переночевал Иннокентий в небольшой пристройке к дому. Утром, собираясь в обратный путь, он предложил Дарье переехать в деревню и поселиться у него. Так ей будет проще, да и он исполнит последнюю волю друга.

– А как же ребенок? – спросила Дарья.

Иннокентий во время бессонной ночи, потрясенный тем, что он увидел и услышал, обдумал все. Поэтому вопрос Дарьи не прозвучал неожиданно. Взглянув на нее, он, не смущаясь, ответил:

– Если ты не возражаешь, будет проще сказать всем, что родила ты от меня. Становись моей законной женой. Мы оба любили Федора, и если мы так поступим, то не будет здесь никакого греха. Не торопись с ответом, подумай. Но не забывай, что отец Павла просил меня позаботиться о тебе, но особенно о мальчике.

Дарья, оставшись одна, наплакалась вволю, решила, что обязательно должна сходить на могилу Федора. Но тут же спохватилась: а с кем оставить двухмесячного Пашу?

Прошло пять дней ожидания. Иннокентий вновь собрался в тайгу и приготовил все, что может пригодиться ребенку, а также в хозяйстве. Вещей набралось много, и он решил воспользоваться небольшой тачкой. Укладывая вещи, он думал о том, как будет уговаривать Дарью согласиться с его предложением, и в этот момент услышал скрип калитки. Скорняк оглянулся и замер – во дворе стояла Дарья с ребенком на руках. Иннокентий быстро подошел к ней, поцеловал ее в лоб, взял ребенка, и вместе они вошли в дом.

Для всех селян союз Дарьи и Иннокентия выглядел естественно. Многие даже пришли их поздравить. Скорняк радовался, что его план удался. Никто и не подозревал, что спали они раздельно.

Дарья была хорошей хозяйкой, и в доме Иннокентия стало как-то даже светлее. Павлуше было уже чуть больше года, когда однажды Иннокентий, растопив баню, попросил Дарью похлестать его веничком. Дарья сделала это с большим мастерством и, распарившись, сама попросила Иннокентия о том же. Иннокентий смотрел, как она не торопясь раздевается, и естественное желание стало овладевать им. Они продолжали париться, когда Иннокентий, окатив Дарью холодной водой, обнял ее и прижал к себе. Позднее он признался, что волновался, боясь отказа. Дарья же благодарила его за терпение и тоже призналась, что даже подумывала: может, женщины его и вовсе не интересуют.

Мальчик Павлуша рос здоровым и очень шустрым ребенком. Иннокентий привязался к нему, как к своему родному, и уделял ему много времени. Однако слова монаха Федора о царском сыне не выходили из головы скорняка. Были моменты, когда он хотел поделиться этими мыслями с Дарьей, но всякий раз откладывал.

Скорняк долго мучился над этой загадкой и пришел к окончательному решению оставить все как есть: монах Федор уже похоронен, Павлуша признан сыном Иннокентия, Дарья прекрасная жена. Ведь всего этого можно лишиться и даже пострадать, если кто-либо узнает о его сомнениях.

Скорняк был волевым человеком: как решил, так и сделал – не стал ни с кем делиться своей тайной, но по мере того, как подрастал Павел, Иннокентий все больше и больше верил, что воспитывает он мальчика царской крови.

На бескрайних просторах Российской империи уже издавна повелось давать людям фамилии и имена, по которым сразу можно определить, кто перед вами. И если вдруг он или она не соответствуют своему имени, то будьте уверены, что когда-то в их роду обязательно существовал человек, неспроста получивший такую фамилию-кличку. Это правило соблюдалось во множестве деревень, разбросанных повсюду. И если вы встретили на ярмарке мужика из Иудовки, то знайте: не однажды ее жители (не обязательно вовсе именно данный мужик) подтверждали своими делами такое название деревни.

Так вот, Иудовка на берегу речушки Ленивая считалась обычной сибирской деревней, каких много в этих краях. Никто не помнил, кто и по какой причине дал ей такое название. Но где бы ни появлялись люди отсюда, к ним сразу возникало настороженное отношение, и с этим никто ничего не мог поделать.

Пашка Брызгалов родился далеко от Иудовки, на берегу большой и красивой реки Иртыш, в деревне Брызгалове. Рос он в достатке, в семье местного скорняка, и с детства отличался разными способностями. Его отец Иннокентий, уже будучи пожилым, женился на его матери Дарье, которая была намного моложе отца. В деревне все считали, что мальчик получился таким одаренным потому, что Иннокентий находился в преклонном возрасте, и дитя унаследовало все лучшее: от матери – здоровье, а от отца – ум и рассудительность. Пашка рано научился читать и писать и много времени проводил за книжками. В деревне его называли Мозг. Отец Пашки всем говорил, что отправит его учиться в город, а затем, может, и в Петербург – изучать науки в университете. Вместо этого, когда Пашке исполнилось двенадцать лет, он оказался в Иудовке, где жила его тетка Маруся, старшая сестра Дарьи.

Пашка навсегда запомнит осень 1842 года. Раньше все было хорошо в его жизни: уютный дом, нежная мама, заботливый отец, – и вдруг всего этого не стало.

В конце сентября Иннокентий и Дарья отправились в тайгу, чтобы вместе добыть пушного зверя. Скорняк редко охотился, но в этом году у него было много заказов, и он не хотел упускать их. Дарья знала тайгу как свои пять пальцев, неплохо стреляла и уговорила мужа отправиться недели на две за добычей. Сына оставили со старшей сестрой Дарьи – Марусей, гостившей у них все лето. Маруся любила бывать у сестры, где отдыхала от своего мужа-выпи-вохи, да еще и драчуна.

Прошло две недели, а Дарья с мужем не возвращались. Маруся не очень беспокоилась, на охоте все бывает. Но после трех недель она заволновалась – все-таки тайга. Когда же Иннокентий и Дарья не появились и через четыре недели, Марусю отхватила тревога и даже паника. В деревне пошел разговор о беде. Многие ругали молодую жену скорняка, которая, мол, встречается в мужские дела. Да еще и расчетливой стала, заставляя Иннокентия трудиться от зари до зари. Другие попрекали самого скорняка, который с появлением сына сильно изменился и, казалось, занимался только им.

Прошло два месяца с тех пор, как ушли в тайгу Иннокентий и Дарья. Было ясно – пропали. Как? Можно было только догадываться. Многие из деревни уходили в тайгу в надежде найти хотя бы их следы. Но все напрасно. Остановились на том, что исчезли пропавшие в болотных топях.

Павлуша остался сиротой. Маруся растерялась, но сколько ни плачь, а на ее руках оказался мальчик. По совету жителей деревни дом Иннокентия и Дарьи продали. Маруся отобрала более или менее нужные вещи и двинулась к себе в Иудовку.

Муж Маруси – Парфен – встретил их недружелюбно. Детей у них не было, и заниматься воспитанием чужого он не имел никакого желания. Маруся и не рассчитывала на это. «Лишь бы только не мешал», – думала она. Среди вещей, которые она отобрала в доме Дарьи, находилось три альбома с открытками и различными вырезками из газет и журналов. Парфен, почти всегда подвыпивший, от нечего делать просматривал альбомы и однажды обратил внимание на портреты царей. Он заметил сходство их Павла с чертами лица императора Павла I. Никакого значения он этому, конечно, не придал, только подумал: «Странные вещи бывают в жизни». С этих пор парнишку Парфен презрительно прозвал царским сынком, а если Павлуша огрызался, случалось и бил его. Маруся всегда защищала ребенка. Однажды Парфен особенно сильно избил Павла. Тогда она такхватила своего мужа тяжелой сковородой, что удар получился смертельным. Маруся попала в острог. Павел сбежал из деревни.

Мальчик долго скитался, пока не оказался снова в деревне Брызгалове. Он помнил, что его родители часто ходили в монастырь неподалеку, навестить могилу друга его отца – монаха Федора. Старый монастырь был первым местом, куда отправился Павел, когда оказался в своей деревне. Раньше, когда он вместе с родителями посещал могилу, ему как-то безразлично было видеть их переживания. Он не понимал их. Теперь же его охватило странное волнение рядом с этим позеленевшим холмиком и нехитрым деревянным крестом на нем. Здесь, на могиле неизвестного ему монаха, мальчик упал на колени и расплакался. Плакал он, конечно, по своим родителям, далекий от мысли, что находится у могилы родного отца.

Мальчика увидел настоятель монастыря отец Михаил, который, конечно, узнал его. Он не стал успокаивать Павла, дал ему выплакаться и, когда тот немного поутих, сказал:

– Да, нет могилы у твоих родителей, но монах Федор был дорог им обоим, поэтому приходи сюда вспомнить и про них, и про него.

Узнав, что Павлу некуда идти, настоятель приютил его в монастыре.

Умер император Николай I. Новому императору России, его сыну Александру, исполнилось 37 лет. От отца и своих знаменитых воспитателей – Жуковского, Ушакова и генерала Мердера – совсем рано Александр узнал, что в России все зависит от царя, поэтому монарх обязан первым выступать как защитник своего народа, как его просветитель. Он хорошо запомнил слова отца: «Закон, пренебрегаемый царем, не будет храним и народом; народ без просвеще-

ния – это народ без достоинства». Александр II уже через шесть лет правления отменил крепостное право и стал царем-освободителем.

Именно тогда в Петербурге появляется Павел Брызгалов, преуспевающий купец из Сибири, разбогатевший на торговле пушным зверем. Молодой купец в свои тридцать лет оставался холост и вел скромный образ жизни. В Сибири его хорошо знали как покровителя монастырей и церквей, хотя сам он не отличался особой набожностью. В Петербург молодого человека привели важные дела: торговля с Англией и другими европейскими странами. К этому времени Брызгалов самостоятельно одолел многие науки, говорил на трех языках, став человеком современным и образованным.

В знаменитом петербургском ресторане «Савой» Павел познакомился с неким Савелием Березовским, который принимал активное участие в подготовке декрета об освобождении крестьян. Березовский, учившийся в Берлине и Сорбонне, поразился эрудиции сибирского купца и быстро ввел его в свет. У Павла появилось много друзей и поклонниц. Одна из них, Надежда Каракозова, представила его государю.

Александр долго беседовал с Павлом и, прощаясь, сказал, что хотел бы повидаться еще раз. Видимо, Брызгалов произвел на него положительное впечатление.

Неожиданно для всех царь запросил все важные бумаги, касающиеся жизни его деда – императора Павла и дяди – императора Александра I. Когда самым странным образом в Таганроге умер Александр I, цесаревичу Александру исполнилось семь лет. Он очень любил дядю и часто расспрашивал отца и своих учителей о причинах столь неожиданной смерти.

Павел Брызгалов собрался ехать в Лондон и тщательно готовился к этой поездке, зная, какие англичане искусные переговорщики и хитрецы. Рано утром, в день его отъезда, к нему приехал молодой офицер с депешей от Александра II. Поездку пришлось отложить. Брызгалова приглашали через три дня на ужин.

Ужинали вдвоем, что удивило Павла. Сам он относился к себе критически и не допускал мысли, что его рассуждения могут заинтересовать такого эрудита, каким общепризнанно считался император. И действительно, Александр II думал совсем о другом. Его привлекала жизнь Павла Брызгалова. Уже во время первой встречи Александр почувствовал сердечную близость к этому человеку. Имя преуспевающего купца из Сибири указывалось в донесении тайной полиции, которую так умело использовал отец Александра еще со времен декабристов. Не такое уж важное обстоятельство, между тем, показалось особенно любопытным царю: по сведениям отца Михаила, настоятеля сибирского монастыря, где Брызгалов провел четыре года после неожиданного исчезновения его родителей, настоящим отцом Павла был вовсе не скорняк Иннокентий Брызгалов, а монах Федор, на которого так походил юноша. Отцу Михаилу в этом призналась сама Дарья, мать мальчика, стремясь снять грех со своей души.

Император Александр II был великолепным собеседником, никто лучше, чем он, не мог в беседе как-то незаметно разговорить человека и получить все необходимые сведения.

Когда после ужина, провожая Павла Брызгалова, Александр обнял его, то был уверен, что обнимает своего двоюродного брата.

Часть I

Путь в разведку

В деревне Лысогорка, что находится между Пятигорском и Георгиевском в Ставрополье, есть красивая деревянная церковь, которую нельзя не заметить, с какой бы стороны вы ни въезжали. Шел 1925 год. Советская власть набирала силы, и даже те, кто надеялся на возврат к прежней, дореволюционной жизни, свыкались с мыслью, что новая власть надолго.

Лысогорка была даже и не деревней, а казачьей станицей, жители которой, казаки, вообще имели странное представление о власти: любая власть была для них плоха. Любая, кроме своей, когда все решалось или на кругу, или атаманом. Хочешь не хочешь, а пришлось быстро переучиваться. Советская власть не терпела тех, кто плохо учился, она просто их расстреливала.

Многое изменилось здесь за последнее время. Церковный батюшка Гавриил особенно боялся молодых парней и девушек, которые как будто сошли с ума и готовы были поставить все с ног на голову. Больше всего его убивало то обстоятельство, что его семнадцатилетний сын Трофим заразился этой революционной болезнью и даже ушел из дому, чтобы полностью отдаться, как он сказал, переустройству старой жизни. Гавриил сильно переживал такую ломку жизненных основ, занемог и вскоре умер. Мать Трофим потерял еще в детстве, поэтому теперь никто и ничто не связывало ему руки.

Никто и никогда даже не заикался о происхождении Трофима. Был он фанатично предан новым идеям и, будучи грамотным юношей, привлекал внимание старших товарищей и вскоре вступил в партию большевиков. Трофим Гордеев проявлял непримиримость ко всем, кто даже просто колебался или сомневался в курсе большевиков, и призывал жестоко расправляться с такими. Уже через год он был переведен на работу в Пятигорск, а после выступления на краевой партийной конференции его заметил сам Киров, и Трофим отправился в Москву. Ему было девятнадцать лет.

В Москве его поселили в общежитии, где жили молодые большевики, ожидавшие направления на учебу в различные партийные и военные заведения. Трофим Гордеев попал в школу военных командиров. Он оказался способным студентом и в течение трех лет овладел не только специальными военными науками, но и английским и немецким языками. Все экзамены он сдал на «отлично». Последним был экзамен по организации государственной обороны. Гордеев отвечал, показывая глубокое знание предмета, и привлек внимание сидевшего на всех экзаменах человека в гражданском. После экзамена этот человек подошел к Трофиму и поинтересовался, какой из всех предметов ему нравится больше всего. Трофим ответил, как думал, честно, что ему нравятся все предметы, так как он чувствует, что мало знает, а для того, чтобы приносить пользу стране, нужно знать и уметь многое.

– А хотели бы вы учиться дальше? – спросил незнакомец.

Трофим не ожидал такого вопроса, однако с ходу ответил:

– Да нет, хочется быстрее работать.

Когда Трофим Гордеев получал диплом об успешном окончании учебного заведения, он снова встретился с человеком, который беседовал с ним после экзаменов. Тот еще раз поздравил Трофима и предложил ему перекусить: отметить окончание в соседнем парке. По дороге он наконец представился:

– Зовут меня Карл Фридрихович. Возглавляю специальное подразделение, работа которого связана с границей.

Уже в кафе, сидя за столом, Карл Фридрихович рассказал о необходимости для Страны Советов иметь первоклассных специалистов, способных работать в условиях заграницы. Он говорил о многочисленных врагах государства, которые ведут подрывную работу, осев в европейских странах. Трофим не мог понять сразу, куда клонит Карл Фридрихович. Но следующая фраза, сказанная им как-то легко и непринужденно, сразила юношу:

– Короче говоря, стране нужны высокого уровня специалисты. – Здесь он остановился на мгновение, а затем твердо добавил: – Разведчики! Имея их, мы сможем отвести извне угрозу для нашей революции.

Гордеев был не только сражен. Он как-то растерялся и с недоумением спросил:

– А я-то здесь при чем?

Карл Фридрихович, фамилия которого была Беркович, рассказал Трофиму, что по указанию самого товарища Сталина в стране создана специальная школа для подготовки разведчиков, куда набирают способных молодых людей. Он также объяснил Гордееву, что некоторые преподаватели, у которых он учился в военном училище, работают также и в школе разведчиков, и они считают, что Трофим очень подходит для этой сложной и интересной профессии. Не дожидаясь ответа от Гордеева, как бы между прочим, Беркович поинтересовался, откуда он знает так хорошо немецкий язык? Довольный, что его не торопят с ответом, Трофим рассказал, что его мать была немкой с Поволжья и что в станице, где он родился, жило много немцев, и он с детства привык к немецкой речи. Карл Фридрихович предложил выпить за окончание военного училища, и они, подняв рюмки с водкой, посмотрели друг другу в глаза. Трофим редко видел такой спокойный и уверенный взгляд, в его голове быстро пролетело: «А что, все разведчики так смотрят?»

Этот взгляд ему очень нравился. С начала экзаменов Трофим не пил водки, и первая рюмка, как ему показалось, слегка подействовала на него. Ему захотелось спросить, *что* он будет изучать в новой школе, сколько лет надо будет учиться... Его мысли прервал спокойный голос Берковича:

– Ну что, выпьем за продолжение учебы?

И он начал наполнять рюмки. Их взгляды снова встретились, и снова – эти спокойствие и уверенность. Гордееву стало как-то теплее. Они продолжали смотреть друг на друга. Трофиму этот человек начинал нравиться, и неожиданно для самого себя он вдруг спросил:

– А вы тоже думаете, что я подхожу?

– Да, я тоже так думаю, – был ответ.

И тогда, непонятно почему, Гордеев встал и, как он позже будет вспоминать, будто не слыша себя, сказал:

– Спасибо, я согласен.

Они выпили по второй. Третью они выпили за успешную учебу.

Трофим стал жить в новом общежитии, недалеко от Лефортовского вала. К своему удивлению, когда он получал постельные принадлежности, встретил там своего однокурсника по военному училищу – Александра Брызгалова. Они не были друзьями, но встрече очень обрадовались. Они попросили, чтобы их поселили в одну комнату.

Занятия в школе разведчиков начинались только через месяц. Трофим не хотел уезжать из Москвы, да собственно ему и некуда было ехать. Родители Брызгалова жили в Ленинграде, но и он не горел желанием покидать столицу. Лето в Москве выдалось хорошее, и оба молодых человека решили немного отдохнуть на Москве-реке, где у школы разведчиков была небольшая спортивная база.

Гордеев помнил, что в военном училище Александр Брызгалов отличался от многих курсантов определенной раскрепощенностью. Его манеры никак не походили на манеры военного человека. Всегда уверенный в себе, он, вместе с тем, никогда не задирал нос и легко сходиллся с товарищами по учебе. Брызгалов любил погулять, и его часто видели в обществе девушек,

причем разных. Вот и сегодня, едва они успели устроиться в комнате на спортивной базе, как Александр предложил поехать на танцы в Дом культуры, расположенный в Москве, неподалеку от военного училища, которое они недавно закончили.

Нельзя сказать, чтобы Трофим вообще не любил танцевать. Нет, иногда он ходил на танцы, но все время как-то получалось, что девчонки, которые ему нравились, были со своими парнями, а те, которые были свободны и даже стреляли глазами, его не трогали. Но сегодняшняя вечер начинался по-другому. Войдя в фойе Дома культуры, молодые люди сразу же заметили двух симпатичных девушек, стоящих в стороне. Опытный Брызгалов без колебаний направился к ним. Трофим не отставал от приятеля.

– Охота начинается, – объявил Александр.

Трофим не успел и очнуться, как его лихой товарищ уже представил девушкам и себя, и его. Им, видно, понравилась такая смелость, и, смеясь, они назвали свои имена: Лариса и Татьяна. Трофиму Лариса понравилась больше, и здесь ему повезло. Александр сам выбрал Татьяну для первого танца...

Трофим Гордеев не мог заснуть. Он перебирал в памяти все подробности вечера, и ему казалось, что все это было не с ним. Девушки жили в одном доме, поэтому друзья провожали их вместе. В этот вечер с Трофимом произошло то, чего ранее никогда не случалось. Он поцеловал девушку в первый же вечер их знакомства. Теперь, лежа в темной комнате с закрытыми глазами, он мысленно уже в сотый раз целовал Ларису. Гордееву было страшно признаться себе: он знал, что влюблен, и влюблен сильно. Заснул он только под утро...

Месяц пролетел быстро. Началась учеба в школе разведчиков. Трофим с большим интересом погрузился в новую жизнь. Директором школы оказался Карл Фридрихович, который пользовался большим авторитетом среди других преподавателей.

Программа обучения была рассчитана на три года. У каждого курсанта, именно так называли обучающихся в школе, помимо общей программы имела и своя отдельная, по словам Берковича, разработанная с учетом личных качеств и характера курсанта. Гордеев продолжил совершенствование немецкого и английского языков.

Встречи с Ларисой не прекращались. Для нее, по общей установке разведшколы, он учился в военном училище на командира. Времени для встреч было мало, да и Лариса, работая медсестрой, часто дежурила по ночам. Так что встречались они редко. И каждая встреча была для них праздником.

Дни и месяцы пролетали очень быстро. Уже приближалось время окончания разведшколы. Лариса пошла учиться на врача и все интересовалась, куда отправят служить Трофима, которого она так полюбила. Дружба у Гордеева с Александром установилась настоящая. А вот любви с Татьяной у Брызгалова не получилось. Помешала разница характеров.

Тянуть дальше было некуда, и Гордеев решил поговорить с Берковичем. Карл Фридрихович внимательно выслушал Трофима и совсем неожиданно для него сказал:

– Если любите, почему же не жениться?

Гордеев внутренне даже оторопел. Думая, что не выдает себя, спокойно посмотрев на директора школы, спросил:

– А как же работа за границей?

– Ну что, если поедете, то ведь она, наверное, согласится ждать, – опять очень естественно ответил Беркович.

– Да, конечно, я не сомневаюсь, но мне надо будет объяснить ей, кто я на самом деле. Как это лучше сделать и можно ли вообще?

Беркович задумался на мгновение. Гордеев с тревогой ждал ответа. Карл Фридрихович, как всегда, начал тихо объяснять:

– Дело в том, что вам обоим предстоит откровенный разговор друг с другом...

Гордеев с недоумением поднял плечи.

– Понимаешь ли, Трофим, Лариса тоже в этом году заканчивает нашу спецшколу. Это здорово, что вы любите друг друга. Значит вы можете, в случае необходимости, ехать вместе. Я думаю, что такая необходимость будет. Вы должны нас простить, что только сейчас мы можем вам это открыть. Но, как ты уже сам знаешь, секретности требует наша служба...

Трофим с Ларисой шли по набережной Москвы-реки. У них не было никаких сомнений, что они самые счастливые в мире люди. Им исполнилось по двадцать пять лет.

Жизнь по легенде

В 1936 году, летом, молодая немецкая пара, Фридрих и Клаудиа Шмидт, гостившие у своих друзей в Финляндии, отправились на небольшом пароходе из Хельсинки в Англию, откуда они планировали уехать в Соединенные Штаты.

Саусхэмптон встретил чудесной солнечной погодой, что было для них, начитавшихся много о знаменитых английских туманах, неожиданностью. А уже через неделю на борту большого лайнера «Королева Елизавета» они отплывали к берегам Америки, в Нью-Йорк. Впечатления оказались выше всех ожиданий. Фридриха поразили этот город, такой непохожий на описания, которые он так тщательно штудировал. Хорошо, что рядом была Клаудиа. Как часто ему хотелось назвать ее Ларисой. Но он четко усвоил, что не может позволить себе такой слабости, вообще никаких слабостей.

– Забудьте русский язык. Даже между собой говорите или на немецком, или на английском, – неоднократно говорил им Беркович.

Штаты для них не являлись конечным пунктом. Уже через год, когда масса людей перемещалась из Германии в Америку, Фридрих и Клаудиа плыли на пароходе в обратном направлении. Граждане США – Роберт и Ивон Робинсоны – прибыли на пароходе в Гамбург. Американцы, преподаватели немецкого языка, оба имели дипломы об окончании университета в Джорджтауне. Из Гамбурга их путь лежал на юг Германии, в Мюнхен. Профессор местного университета Людвиг Фонбрайн, познакомившись с молодыми людьми в Нью-Йорке, удивленный их прекрасным немецким языком, пригласил супругов в Германию стажироваться и одновременно попытать свои силы в преподавании английского языка.

Вскоре Ивон отправляет первую шифровку в Москву: «Мы дома. Приступили к работе». Беркович был доволен. Ведь успешно закончился первый этап операции, которая разрабатывалась по указанию самого товарища Сталина.

Руководитель специального подразделения советской разведки, законспирированного даже в рамках министерства, революционер-подпольщик Платон Львович Зарубин, имел поручение Сталина докладывать ему лично о ходе операции. По опыту давнего общения со Сталиным Зарубин знал, что если вождь дает такое указание, значит у него есть свои, только ему известные задачи, которые он считает важнейшими в данной операции.

...В списке бывших сотрудников Департамента полиции при царе была фамилия некоего Ерофея Скворцова, который, как удалось выяснить людям Дзержинского, сумел в суматохе революции и гражданской войны исчезнуть из России, прихватив с собой часть секретного архива. Зарубин также хорошо знал, что списки живых и скрывшихся сотрудников Департамента, а также тайных агентов были составлены аппаратом Дзержинского по указанию Сталина...

Когда Трофим Гордеев заканчивал школу разведчиков, от одного из завербованных русских эмигрантов в Германии стало известно, что в Мюнхене под фамилией Штефана Герта проживает стареющий сотрудник Департамента полиции Ерофей Скворцов. Тогда появилось указание Сталина изъять находящиеся в распоряжении Скворцова документы. Они должны быть возвращены в Москву, а сам Скворцов ликвидирован.

За разработку всех деталей операции отвечал Зарубин, помогал ему Беркович. Среди многих кандидатур исполнителей Сталин остановился на Трофиме и Ларисе.

Для Зарубина оставалась загадкой такая заинтересованность лично Сталина в деле Ерофея Скворцова. Сталин всегда давал четкие и ясные задания. Дополнительные вопросы он рассматривал как попытку узнать больше, чем он хочет сказать. Это его не только раздражало, но и вызывало мрачные подозрения и, как правило, заканчивалось плачевно для неосторожного любопытного.

Жизнь в Мюнхене отличалась от всего того, к чему привыкли Роберт и Ивон в прошлом. Но они были профессиональными разведчиками, нелегально действующими на территории иностранного государства, и хорошо усвоили еще во время учебы, что для них возможна жизнь только по легенде. Все другое они должны забыть. Уже давно все, что делали Трофим и Лариса, подчинялось определенной цели. Их любовь придавала им силы, но иногда казалось, что и она была частью созданной Берковичем легенды...

Постепенно Роберт и Ивон все больше узнавали о жизни Штефана Герта. Новостью для них и Центра явились сведения о том, что в Германии он находился не один. В Мюнхене с ним в том же доме, этажом выше, жила его племянница Гертруда с мужем. Ее мать, старшая сестра Скворцова, Елена, еще до революции вышла замуж за немецкого инженера Рихарда Штайндорфа и все время проживала в Мюнхене. Гертруда преподавала в университете античную историю. Все знали о том, что ее мать была из русских. Молодые американцы Роберт и Ивон иногда в столовой университета болтали с ней о разном.

Роберт попросил разрешения у Центра развить отношения с Гертрудой, познакомиться с ее мужем и, таким образом, выйти на самого Скворцова. Ответ из Центра долго не приходил. Только через месяц была получена шифровка, не имевшая ничего общего с основным заданием. Центр спрашивал о том – *что* «Дуэту» (это было их кодовое название) известно о планах Гитлера начать войну в Европе? Ответ «Дуэта» через два дня опубликовали все европейские газеты: «Гитлер напал на Польшу». Началась Вторая мировая война.

Трофим и Лариса ждали дальнейших указаний. Они были уверены, что вернутся в Союз. Очередной сеанс связи с Москвой не состоялся. Вместо этого старый знакомый Роберта и Ивон – профессор Людвиг Фонбрайн – передал им указание от «Друга» (Берковича) перебраться во Францию...

Поезд пересекал границу Германии и Франции, когда Роберт и Ивон направлялись в вагон-ресторан позавтракать. Роберт открыл дверь, чтобы пропустить Ивон, и, войдя, они оба почти автоматически остановились: в конце вагона за столиком сидели Скворцов, Гертруда и мужчина средних лет, вероятно, ее муж. Такие ситуации в разведшколе они не разбирали. Роберт, улыбнувшись, поклонился Гертруде, Ивон помахала ей рукой, и они сели в середине ресторана лицом к столику, за которым разместились их неожиданные спутники.

Трофим и Лариса успокоились быстро. Они заказали еду и, не обращая внимания на дальний столик, спокойно беседовали. Вскоре появилось еще несколько пар, и обстановка нормализовалась.

Гордеев мысленно разбирал ситуацию. Они имели адреса, куда должны направиться по указанию Центра. Оба сносно говорили по-французски. После окончания завтрака Гертруда пройдет мимо них, и обязательно последует знакомство, а также короткие вопросы, к которым надо успеть подготовиться.

Все произошло именно так. Скворцов и его племянница с мужем, закончив завтрак, перед тем как выйти, остановились у столика Робинсонов. Гертруда тепло поздоровалась и представила своего дядю – господина Штефана Герта и своего мужа – Рудольфа Зайндорфа. Скворцов несколько растерянно смотрел на американцев, а муж Гертруды спросил, где они хотят остановиться в Париже и когда они отплывают в Америку? Роберт ответил, что пока толком сами не знают, в какой гостинице остановятся, а насчет отъезда в Америку тоже пока конкретных планов не имеют.

– Мы желаем вам всего доброго, – сказал господин Герт на прекрасном немецком языке, и они все трое покинули ресторан.

Неожиданно Гертруда вернулась, чтобы узнать у Ивон номер вагона и купе, пообещав заглянуть до прибытия поезда в Париж.

Лариса пристально посмотрела на Трофима. Он читал множество вопросов в ее глазах. Столько же он задавал себе. Немаловажно было понять, почему Скворцов и его компания так быстро уезжают из Германии и уезжают ли?

До Парижа оставалось чуть менее часа, когда к ним постучались: Роберт открыл дверь, и Гертруда вошла в купе. Ивон предложила ей сесть рядом. Гертруда сразу заговорила:

– Вы сказали, что не знаете, какую гостиницу вам выбрать в Париже. Да и с отплытием домой у вас еще не решено. Я посоветовалась с дядей и мужем, и мы с удовольствием приглашаем вас остановиться у нас под Парижем.

Такого поворота событий ни Трофим, ни Лариса не ожидали. Роберт поблагодарил за любезное приглашение и ответил, что им не хочется никого стеснять. Гертруда продолжала настаивать, отметив, что и дядя, и муж будут на самом деле расстроены отказом. Они ведь хотят показать своим приглашением, что не все немцы согласны с тем, что творится в настоящее время в Германии.

Трофим размышлял... Он помнил о задании, из-за которого они оказались в Германии, а также о новых людях, которые ожидали его во Франции, о Берковиче...

Сейчас он должен был самостоятельно принять решение. Теперь только от него зависит судьба задания. Если они откажутся от предложения, то могут навсегда потерять Скворцова. Надо решаться. Взглянув на Ларису, он по-английски сказал:

– А что, ведь действительно глупо отказываться от такой прекрасной идеи. Ведь никого из знакомых у нас в этом городе нет.

Гертруда искренне обрадовалась. Лариса поняла, что Трофим успел все взвесить.

Недалеко от Парижа, в деревне Лезо, расположенной на берегу мелководной речки, у Скворцова был двухэтажный особняк, который достался его жене, Ольге Брызгаловой, от ее отца, Павла Брызгалова, известного торговца русской пушниной. Род Брызгаловых славился в России еще со времен царя Александра II.

Сюда, в Лезо, через десять дней после начала Второй мировой войны прибыли Трофим и Лариса со своими новыми знакомыми.

Роберту и Ивон отвели просторную комнату на втором этаже. В комнате на противоположной стороне коридора расположились Гертруда с Рудольфом. Штефан Герт занял комнату внизу. Ему было трудно подниматься вверх из-за одышки и больных ног.

На третий день после приезда Роберт и Ивон отправились в Париж, чтобы посетить американское посольство. Там, конечно, они не были, но успели разыскать адреса, полученные от профессора, и передать шифровку в Центр. Вернувшись в Лезо, они увидели местного врача, которого вызвала Гертруда: ее дядя почувствовал сильное недомогание и головокружение. Штефану Герту был предписан постельный режим. Гертруда очень волновалась и даже стала ночевать в столовой, рядом с комнатой дяди.

Трофим и Лариса ни на минуту не забывали, почему они оказались в этом доме. Они оба заметили, что один из чемоданов Скворцова так и остался нераспакованным и находился у самой кровати больного. В сложившейся обстановке Гордеев принимает решение не торопить события. Однако развязка пришла сама собой.

Днем Гертруда перемещала дядю в кресло и оставляла в гостиной около окна. Он часто засыпал, тогда она поднималась вверх заняться своими делами.

Однажды Лариса, спускаясь по лестнице, услышала русскую речь. Скворцов говорил во сне. Она разобрала несколько фраз, от которых ей стало зябко:

– Они могут найти и убить меня. Сталин знает, что я...

Лариса немедленно вернулась в свою комнату, а дверь оставила приоткрытой.

Роберт и Рудольф отправились в соседнюю деревню за вином. Вскоре Лариса услышала сильный кашель Скворцова, затем быстрые шаги по лестнице: Гертруда торопилась к дяде. Кашель усиливался. Скворцов проснулся и по-немецки попросил лекарства. Наступила

тишина. Лариса сняла туфли и вышла из комнаты, чтобы услышать, о чем они будут говорить. Она еле дышала. Неожиданно Скворцов тихо заговорил по-русски:

– Я вряд ли протяну долго. Ты единственная, кому я могу доверить тайну. В моем чемодане, что около кровати, находятся сверхсекретные документы из архивов Охранного отделения. Самый важный из них отмечен тремя буквами «ГБД», что означает – «Грузинский большевик Джугашвили». Документы подтверждают его сотрудничество с тайной политической полицией. В архивах есть два донесения, написанных им самим. Видно, умру я своей смертью. Сталинские люди так и не смогли меня найти. Этих двух американцев послала мне сама судьба. Передай все архивы им. Береги этот дом. В нем было столько счастливых для меня дней.

Наступила гробовая тишина. Лариса быстро вернулась к себе в комнату и закрыла дверь. Ее сильно трясло. Она замерзала. Страх овладел ею.

Когда вернулись мужчины, Скворцов был уже мертв. Впервые за многие годы Лариса не удержалась и по-русски рассказала Трофиму обо всем услышанном. Гордеев закрыл глаза и тоже по-русски промолвил:

– Лучше бы ничего этого не знать! Ведь это конец для нас. Я не могу представить себе, чтобы кто-нибудь, владеющий такой информацией, мог остаться живым.

Хоронили Штефана Герта на местном кладбище. Гертруда исполнила волю своего дяди и передала все документы Роберту и Ивон, сбивчиво объясняя то, что Лариса уже слышала своими ушами.

Вскоре Центр получил шифровку следующего содержания: «Задание выполнено. Архив уничтожен. Штефан похоронен. Дуэт».

Пароход из порта Бордо взял курс на Нью-Йорк. Роберт и Ивон Робинсоны прощались с Европой, куда возвращаться им было нельзя.

Архив для Сталина

День 15 января 1940 года начинался для Карла Берковича не очень удачно. Рано утром он проснулся от странного сна. Он не помнил деталей, но, даже проснувшись, чувствовал какую-то тяжесть. Во сне он был на охоте и оказался в лапах медведя, навалившегося на него.

Сегодня у него был свободный день от разведшколы, и он рассчитывал еще раз детально проанализировать ситуацию, в которой оказался «Дуэт».

Он не осуждал решение, принятое Трофимом, но все произошло как-то быстро и неожиданно. Больше всего его беспокоило, что события стали развиваться не по идущему от Центра плану, а по воле случая. Беркович очень надеялся на толкового и умеющего ориентироваться в сложных ситуациях Гордеева, но сегодня он решил еще раз помозговать. Обдумывать же Берковичу пришлось совсем другое, так как уже не во сне, а наяву на него напал «медведь».

Не успел Карл появиться у себя в кабинете, как секретарь сказала ему, что звонил Зарубин и просил зайти. Как всегда, Платон Львович встретил его улыбкой и, предложив сесть, стал объяснять:

– Не люблю донесений, которые можно толковать так и сяк. Мы не зря учим: донесение – это не закон. Его нельзя толковать, тем более невозможны сомнения и догадки, а здесь целый набор.

Зарубин протянул Берковичу шифровку. «Задание выполнено. Архив уничтожен. Штефан похоронен. Дуэт», – прочитал Беркович и, закрыв глаза, схватился за голову. «Вот тебе и медведь!» – подумал он. Оба молчали. Тишину прервал Зарубин:

– Я проверил. В легенде четкое указание: архив должен быть возвращен в Союз. Откуда взялась идея уничтожения? *Что* значит – Штефан похоронен? Он что, просто умер, не ликвидирован? Что в архивах? Вы понимаете что-нибудь, Карл Фридрихович?

– Нет. Я тоже в недоумении. Я твердо знаю только одно. Гордеев – не тот человек, чтобы говорить загадками. Мой вывод, вернее, вывод-догадка, очень прост – архив надо было уничтожить только по одной причине: в нем содержалась смертоубийственная информация. Что касается Сковорода, то здесь много вариантов. Или он просто умер, ведь не молодой, или чего-то испугался и умер.

«В общем, надо запросить Париж», – размышлял Беркович.

– Что значит, по-вашему, смертоубийственная информация? – переспросил Зарубин.

– Не копайтесь глубоко в жизни вашего короля, ибо вы можете найти смертельную для себя информацию, как говорил еще француз Планти, – мрачно заметил Беркович.

Этим он фактически сказал все, как бы сам ответив на постоянно мучивший его вопрос: что же в этих архивах? Почему Сталин так заинтересовался Сковородой? Неужели они знали друг друга? Беркович понимал, в чем суть его открытия! Он никогда бы не сказал такое любому другому, но Зарубин был для него единственным человеком в этом мире, которому он доверял безгранично, пройдя мясорубку 1937-го. Да, многих товарищей они потеряли. Но всегда знали, что, если пропадут, то вместе. Берия подбирался к ним, но всякий раз его останавливал сам Сталин.

– Не нравится мне эта связка, Зарубин – Беркович, что-то они скрывают, – делал попытку получить «добро» Лаврентий. Но Сталин знал, что, если они скрывали что-то от Берии, так это угаданные ими мысли или вопросы, которые Сталин задавал только им.

Зарубин, конечно, сразу оценил догадку Берковича. Опасность нависла над ними обоими. Только одно решение оставалось возможным: нужно срочно доложить Сталину и получить его согласие разобраться без паники в сложившейся ситуации.

У Зарубина с Поскребышевым, помощником Сталина, были давнишние хорошие отношения. Сталин работал по ночам, отсыпаясь днем, поэтому у Зарубина и Берковича было

достаточно времени хорошо подготовиться к докладу. Поскребышев обещал «протолкнуть» их побыстрее. Через несколько часов Зарубину позвонил Поскребышев и сказал, чтобы в 16:00 они были в Кремле.

Сталин сидел за столом, когда они вошли в кабинет и встали по стойке смирно.

– Я слушаю вас, – еле слышно произнес человек за столом.

Зарубин кратко доложил о случившемся. Сталин поднялся и заходил по кабинету. Он молчал. Эта тишина могла означать что угодно. Готовясь к докладу, Зарубин и Беркович перебирали вопросы, которые им мог задать Сталин. Вот он остановился и спросил о главном:

– Почему он уничтожил архив?

Зарубин посмотрел на Берковича:

– Мы уверены, что там была информация, передачу которой, даже нашим обычным путем, он посчитал очень рискованным мероприятием. Себя же он считает надежным и неопасным хранителем любых секретов. *Что* это за информация – нам предстоит выяснить. Гордеев имел серьезные основания для уничтожения архива. В этом у нас нет никаких сомнений.

Сталин быстро взглянул на стоящих перед ним чекистов. Они уверенно смотрели ему в глаза.

– Дайте мне шифровку. – Он сел за стол, взял красный карандаш и размашисто написал: «Зарубину, Берковичу. Докладывать мне лично. Сталин». Отдавая бумагу Зарубину, Сталин спокойно сказал:

– Идите, разберитесь, в чем дело. Ваш Гордеев слишком самостоятельный человек.

В машине ехали не разговаривая. Они понимали, что водитель уже сегодня вечером напишет рапорт людям Берии. Кроме того, просто хотелось помолчать после такого напряжения. Так же молча они поднялись в лифте и прошли в кабинет Зарубина. Попросили по стакану чая. Молчание продолжалось. Принесли чай. После нескольких глотков первым заговорил Зарубин. Говорил он как будто для себя:

– Пока он с нами согласен. Пока... Я, знаешь, что думаю, собирайся-ка ты в Париж. Не время общаться по рации. Ты ведь давно не был в городе своей юности?

Беркович не задавал вопросов. Ему было ясно, что разбираться во всем надо было самим, а главное – в Гордееве...

Поезд из Варшавы в Париж отходил точно по расписанию. Француз Бернард Луавре не был в городе своей юности почти десять лет. Через два дня он будет гулять по знакомым улицам прекрасного города. Обязательно зайдет в кафе «Ренессанс», встреча в котором с одним человеком в корне изменила его жизнь. Тогда ему было только двадцать, он учился в Сорбонне.

После легкого ужина Бернард Луавре приготовился ко сну. Он думал о том, что было сейчас самым главным: удастся ли найти Гордеева?

Встреча

В Соединенных Штатах внимательно следили за развитием событий в Европе. Адольф Гитлер уже давно не скрывал своих планов, и было ясно, что, рано или поздно, он нападет и на Советский Союз. Сталин был уверен в другом. На сегодня он являлся одним из самых главных политиков мира. Он создавал государство-империю, не похожее ни на одну систему, известную до сих пор истории! Ему противостоял весь мир, и это делало его еще более сильным и значимым.

Сталин твердо верил, что сумел обыграть и Англию, и Францию, и Америку.

Известие о нападении Гитлера на Советский Союз пришло в Соединенные Штаты, когда там из-за разницы во времени двадцать второе июня еще и не наступило. В чикагской страховой компании «Дуглас и сыновья» наперебой обсуждали эту неожиданную новость.

– Ну и достанется теперь дяде Джо от друга! – говорил один.

– Надо уметь выбирать друзей, – подхватывал другой.

В беседе не участвовал только бывший преподаватель немецкого языка, недавно поступивший на работу в компанию. Старший страховой агент Фрэнк Вильсон, обращаясь к новичку, спросил:

– Роберт, почему вы молчите? Что вы думаете об этом? Вы ведь были в Германии и, наверное, знаете больше нашего?

Несмотря на то, что Роберт Робинсон служил в компании только несколько месяцев, коллеги уважали его за уживчивый характер и за готовность всегда помочь, если кто-то попадал в цейтнот. Все повернулись в его сторону.

– Да что тут говорить! Я всегда считал, что этот маньяк не остановится. Он опасен для всего мира, и одолеть его можно только всем вместе, – спокойно сказал Роберт.

Все быстро согласились. Это было еще одним качеством, за которое уважали Робинсона: способность найти приемлемую для всех платформу.

Никогда Гордеев так не ожидал окончания работы, как сегодня. У Ларисы, служившей кассиром в кинотеатре, сегодня был выходной. Много раз они обсуждали решение, принятое ими во Франции, и всегда приходили к выводу, что поступили правильно. Иначе им грозили бы или смерть, или лагерь. Они были уверены, что в случае возвращения архива в Москву их ждала бы трагическая участь, как и других, которые становились свидетелями секретных ситуаций, не говоря уже о тайнах, касающихся самого Сталина.

Сегодня состояние Трофима и Ларисы было ужасающим. Их страна, родина находилась в такой опасности, а они отсиживались здесь, спасая себя. Мало того, они подвергли смертельной опасности людей, которые так доверяли им. Начав уже в который раз анализировать возможные последствия своего возвращения, они пришли к выводу, что следует придумать что-то другое. Супруги долго не могли уснуть. Трофиму первому пришло в голову простое решение. Время от времени в страховую компанию, где он работал, приходили письма от Комитета содействия Англии в войне с Германией. Формы помощи были разнообразные – от денежных взносов до набора добровольцами.

Старший агент по страхованию компании «Дуглас и сыновья» Фрэнк Вильсон несколько не удивился, когда после очередного письма от Комитета, подойдя к Роберту с конвертом для денег, услышал его слова:

– Нет, мы с Ивон думаем, что помощь только деньгами недостаточна. Мы едем в Англию.

– Да, дружище, я в вас не ошибся. Я очень хорошо помню, как вы говорили о том, что мы все вместе должны драться с Гитлером. У вас слова не расходятся с делом. Вы – настоящий американец.

Роберта и Ивон провожал весь отдел.

Трофим и Лариса убеждали себя, что, помогая Англии, они помогают и Советскому Союзу. Вместе с тем, они отлично понимали, что это слабое утешение...

Саусхэмптон снова встречал их. Уже в который раз они начинали новую жизнь.

Всех добровольцев распределял Комитет по координации, где главную роль играли английские сотрудники Штаба тыла, хорошо знающие потребности армии. Владение немецким языком определило дальнейшую судьбу Трофима и Ларисы. Их направили в военную школу под Лондоном, в которой они занимались переводами с немецкого на английский различных документов, попавших к англичанам через разведывательные каналы.

– Американцы работают как машины, – говорили о них сослуживцы.

И американцы, и англичане нуждались в хороших переводчиках. Школа под Лондоном стала их главным поставщиком. Немецкий язык американца Роберта Робинсона приводил в замешательство даже допрашиваемых немецких пленных. Слава о нем дошла до самого генерала Эйзенхауэра, который затребовал его к себе в Штаб. Трофим и Лариса стали подчиняться главнокомандующему объединенными войсками.

Гитлера зажали в тиски. Еще велись боевые действия. Берлин пока не был взят, а союзники уже в секретных переговорах проверяли друг друга, выясняли, на что каждый из них согласится.

В Штаб генерала Эйзенхауэра доставили представителя немецких промышленников, которому поручили провести с американцами переговоры и склонить их быстрее занять большую часть Германии, чтобы оставить Сталину меньшую – только восточные территории.

Роберт Робинсон явился на секретные переговоры в качестве переводчика. Адьютанты генерала сопровождали всех прибывших в большую, просто обставленную комнату для встреч. Немецкий представитель оказался сравнительно молодым человеком, вел себя самоуверенно, чем вызвал раздражение американского генерала. Разговор длился чуть меньше часа. После того, как представитель немецких промышленных кругов покинул комнату, Эйзенхауэр заметил:

– Ничего реального. На что они надеются? Боб, напечатайте все подробно.

Гордеев сразу же отправился в помещение секретного отдела выполнять указание генерала. Только сев за стол, он почувствовал, что весь взмок, пот градом катился по его лицу. Он взял себя в руки. К счастью, никого не было рядом. Он закрыл глаза, и лицо человека, который назвал себя представителем немецких промышленных кругов, снова четко всплыло перед ним, такое знакомое и дорогое ему, – лицо Александра Брызгалова.

Александр Брызгалов уезжал весьма довольный встречей. Он лишний раз убедился, что американцы уже понимают, что вряд ли им удастся серьезно обойти Сталина. Но больше всего он радовался за своего друга:

– Вот тебе и Гордеев! Не напрасно он ходил в любимчиках у Берковича.

В Париже

Париж. Конец января 1940 года. Кафе «Ренессанс». Вот уже почти час Карл Беркович находится в до боли знакомом месте. Он не замечает почти ничего, уйдя мыслями в прошлое.

Сюда, в столицу Франции, он приехал с родителями в далеком 1901-м, первом году двадцатого века. Ему было тогда десять лет. Его отец, Фридрих Беркович, получил приглашение Сорбоннского университета читать курс лекций по истории древней Греции. Его мать, Наталия Сикорская, была родом из хорошо известной в Петербурге семьи Сикорских, предки которых попали в Россию из Германии еще в петровские времена. Красивая и образованная, она мечтала жить в столице мира, поэтому Фридрих Беркович принял приглашение французского университета, несмотря на то, что ему было грустно расставаться с университетом в Петербурге, где он считался у студентов любимым профессором.

Карлуша, как его называли родители, после блестящего окончания школы стал студентом Сорбоннского университета. Парижская молодежь, как и вся молодежь Европы, увлекалась тогда идеями социал-демократов и сочувствовала русским революционерам.

Карлу Берковичу исполнился двадцать один год, когда он познакомился в кафе «Ренессанс» с Платоном Зарубиным, который в свои двадцать пять уже являлся опытным революционером. Судьба связала этих людей на всю их жизнь. Это происходило так давно. И вот сегодня он снова в кафе своей юности.

«Странно, но кафе почти не изменилось, – подумал Беркович. – А как изменились времена, люди!» Неужели ему еще раз предстоит пережить мировую войну? Эта мысль как-то быстро исчезла, и он снова погрузился в события, которые привели его в Париж.

Все оказалось гораздо хуже, чем они с Платоном предполагали. Гордеев исчез. В конспиративной квартире его видели последний раз 14 января 1940 года, когда он принес для передачи в Центр свою короткую радиограмму. Из донесения Гордеева известно, что он вместе с Ларисой поселился в доме Скворцова недалеко от Парижа. Беркович вздрогнул: какую ошибку они допустили, не запросив точного месторасположения дома Скворцова! Что? Гордеев специально упустил это? Только за одно это... Провал операции налицо. Как найти дом Скворцова, его племянницу?..

Он понимал, что русские эмигранты здесь помочь не могли, ведь Скворцов скрывался под немецкой фамилией и вообще не поддерживал связи с людьми из России. Чтобы отвлечься, Беркович стал перебирать в памяти всех, кого он знал в Париже. И вдруг – как же он не подумал об этом раньше? – Пьер Сокольский, агент по недвижимости! Он прекрасно знал многие русские семьи, владеющие домами и квартирами в Париже и его окрестностях. Карл раньше не раз бывал в его конторе по поручению отца, чтобы получить список продаваемых домов.

А жив ли он? Беркович подключил к поискам своих людей, и – нашли! Хотя сам Пьер Сокольский скончался, но его дочь продолжала дело и указала шесть адресов русских владельцев недвижимости под Парижем. Один из них оказался домом Скворцова. Да, там жили некоторое время американцы Роберт и Ивон Робинсоны, но они отплыли в Соединенные Штаты 15 января.

«На следующий день после своей радиограммы», – подумал Беркович. Сомнений, что они отправились в Америку, не было. Ведь муж племянницы Скворцова проводил их до борта парохода. Узнать больше ничего не удалось.

Дальше оставаться в Париже не имело смысла. Беркович хорошо понимал, *что* ожидает в Москве его и Зарубина. Где-то глубоко-глубоко в сознании промелькнуло: «А может быть, остаться и исчезнуть, как сделал Гордеев?» Но ему от одной такой мысли стало стыдно. Он тихо сказал сам себе:

– Ну что ты, Карлуша!

Нет, невозможно представить себе, что найдутся силы, которые могут задержать его здесь. Бросить Зарубина... Беркович во всем винил себя. Следовало послать более опытного и проверенного человека. У них было три кандидата, и Сталин выбрал самого молодого, видимо, из-за каких-то своих соображений. Но теперь нет никакого смысла казнить себя. Все стало ясным: операция провалилась, последствия хорошо известны.

Через день Карл Беркович ехал в поезде, возвращаясь в Советский Союз. У него не было никаких сомнений, что его ждала гибель.

Эрика

Представитель промышленных кругов Германии Рихард Штайнхоф начинал свою карьеру в постели дочери крупного немецкого фабриканта фон Бекенбауэра, голубоглазой арийки Эрики. Познакомились они случайно, когда приехавший из Эстонии в Берлин в поисках работы молодой и симпатичный Рихард отправился на танцплощадку в летний парк Баумгартен. Эрика была со своими подругами. Она не пропускала ни одного танца. Молодые парни стояли чуть ли не в очереди, чтобы потанцевать с ней. Эрика понимала, что она неотразима. Рихард, уже опытный ловелас, в свои двадцать семь лет хорошо знал такой тип девушек. Они нравились ему. И не было случая, чтобы он не понравился им. Начал он с того, что пригласил на очередной танец не Эрику, а одну из ее подруг, робко стоявшую почти в безнадежном ожидании партнера. Танцевал он великолепно. Подружка Эрики, Линда, была в восторге. Танцевала она тоже прилично и понимала толк в хорошем партнере. Рихард был одним из тех парней, мимо которого невозможно пройти, не заметив его. Когда он и во второй раз пригласил Линду потанцевать, Эрика пропустила танец и стала наблюдать за своей подружкой. У Рихарда с Линдой получалось здорово. Рихард после окончания танца проводил Линду до места, где стояли девушки. От него не ускользнул взгляд, брошенный Эрикой в его сторону.

Духовой оркестр заиграл фокстрот. Эрика отказала подбежавшему к ней молодому офицеру.

Рихард уверенно и в то же время всем своим видом показывая, как он очарован Эрикой, поклонившись ей, произнес:

– Я буду премного вам обязан!

Эрика оказалась в его сильных и вместе с тем по-мужски нежных руках. С этого момента Рихард не отпустит ее никогда.

Он пошел проводить ее. Эрика жила недалеко от парка, в доме, вид которого говорил сам за себя. Девушка была из богатой семьи. Эрика с удовольствием слушала своего нового знакомого. Он интересно рассказывал и много шутил. Рихард вел себя так, как будто знал Эрику всегда. Ей было с ним легко. Прощаясь, он обнял ее. Она не возражала. Он прижал ее к себе. Она не пыталась оттолкнуть его. Их губы встретились. Он страстно поцеловал ее. Еще находясь в его объятиях, она спросила:

– Вы всегда так целуете девушек?

– Нет, только когда без ума от них, – шепнул он ей на ухо.

Уже через неделю они знали друг о друге все. Рихард искал работу, и Эрика, покоренная его прекрасным английским языком, уговорила своего отца взять нового друга на службу в экспортный отдел.

Очень быстро Рихард стал всеобщим любимцем. Фон Бекенбауэр был уверен, что это благодаря его дочери. Стало известно, что молодые люди встречаются. Но Бекенбауэр изменил свое мнение, когда узнал Рихарда больше, увидев его в деле. Особенно он заинтересовался им после переговоров с английской компанией, куда Рихарда пригласили в качестве переводчика. Англичане пришли в восторг от английского языка немца. А фон Бекенбауэра удивило то, что за такой короткий промежуток времени Рихард успел прекрасно разобраться в делах компании. Через месяц Рихард получил повышение, став помощником самого Бекенбауэра. Через два – Эрика стала женой Рихарда Штайнхофа.

В канун нового 1937 года офицер разведки, который вел «нелегала» Александра Брызгалова под кодовым именем «Мастер», докладывал руководству, что его подопечный успешно выполняет задание Центра и вошел в элитный круг Германии, женившись на дочери видного промышленника Вилли фон Бекенбауэра.

Александр Брызгалов был влюблен в Эрику не по заданию Центра. Об этом знал только он. Никогда он не думал, что можно быть таким счастливым с женщиной.

Рихард приобретал в компании все больший и больший вес. В партию Гитлера он вступил по рекомендации самого Бормана, который дружил с его тестем. Эрика радовалась успехам мужа. Работа поглощала Рихарда. Способный и трудолюбивый, он быстро стал играть роль второго, после хозяина, человека в компании.

Привыкший все подвергать тщательному анализу и делать выводы, он ясно видел, куда идет Германия, и его несколько удивляла реакция Москвы на посылаемую им информацию. Когда Рихард сообщил в Центр о готовившемся нападении на Польшу, через своего связника он получил фактически указание о необходимости более взвешенно и без эмоций оценивать обстановку. После этого он долго не давал Центру никакой информации.

Помимо всего, у него была большая радость. Эрика подарила ему сына! Мальчика назвали Вилли, в честь дедушки.

Через месяц Гитлер оккупировал Польшу. Александр Брызгалов был уверен, что Гитлера остановить нельзя.

– Этому человеку нужен весь мир, – как-то сказал Борману Вилли фон Бекенбауэр.

– Не ему, а Германии, – поправил его Борман.

Гитлер вел хитрую игру и с Западом, и с Востоком. Но в Европе было немало людей, четко представляющих, какова конечная цель фюрера. То, что этой целью является Советский Союз, Александр Брызгалов понял после захвата Польши. Но он не торопился делиться с Центром своими мыслями...

День 22 июня 1941 года не был неожиданным для Рихарда Штайнхофа. Но именно тогда Эрика уловила что-то необычное во взгляде мужа. Его глаза, в которые она так любила смотреть, всегда спокойные и ласковые, какие-то глубокие, сегодня показались ей тревожными и очень печальными. Рихард объяснил это усталостью.

Да, он устал от донесений в Центр о неминуемом нападении Гитлера на Советский Союз. Вот уже седьмой месяц он предупреждал о точной дате, и никакой реакции.

Как-то, возвращаясь от Бормана, его тесть заехал навестить своего внука и попросил Эрику приехать к нему с Рихардом и маленьким Вилли вечером 21 июня, добавив, что в этот день им лучше быть вместе. Это было за три дня до нападения Германии на Советский Союз. Это стало последним предупреждением о нападении, которое Александр Брызгалов направил в Москву...

Возвращаясь со встречи с Эйзенхауэром, Рихард все время думал о переводчике генерала.

«Война подходит к концу. И два друга из одной разведшколы находятся по разные стороны фронта. Хорошая тема для приключенческого романа», – улыбнувшись, подумал Александр. Больше всего на свете сейчас ему хотелось оказаться вдвоем с Трофимом, только вдвоем, и проговорить всю ночь о том, что они пережили, что перечувствовали...

Разговор

Роберт закончил запись беседы с Рихардом Штайнхофом и, оставив бумаги в секретной папке Эйзенхауэра, поехал в расположение части, где у него с Ивон была небольшая комната. Лариса находилась дома.

Реакция Ларисы несколько удивила Трофима.

– Понимаешь, все может обернуться неожиданно хорошо для нас, – начала она. – Ведь ты сам говоришь, что Александр уверен, что ты оказался в Штабе Эйзенхауэра по замыслу Центра, и он ничего не знает о нашей беде. Наверняка американцы захотят еще раз «пощупать» промышленников, и тогда у тебя будет возможность дать знать Александру о необходимости встречи с ним.

Гордеев действительно был убежден, что Брызгалов и не подозревает, каким образом он, Трофим, оказался в американском Штабе. Но он твердо знал: то, что Лариса называла бедой, Другим могло казаться только предательством. Как он объяснит своему другу, что поступил именно таким образом, чтобы снять груз ответственности с таких людей, как Беркович и Зарубин? Ведь они, в случае его возвращения, должны были бы докладывать самому Сталину о документах, подтверждающих его, Джугашвили, связь с Охранным отделением. А бумаги оказались добыты по указанию самого вождя тем разведчиком, которого он же сам и выбрал. Гордеев также обязан был бы сообщить и о разговоре, подслушанном Ларисой.

Не возникало никаких сомнений, что в случае возвращения Трофима в Москву всем, кто знал о добытой им информации, грозила страшная участь. Исчезновение же Гордеева давало хоть и слабый, но все-таки шанс на менее страшный исход для всех.

Трофим понимал, что у него очень мало шансов убедить Брызгалова в правильности своего решения. И он даже обрадовался, подумав про себя, что вряд ли такая возможность еще появится. Если и будут какие-либо встречи с представителями немецких промышленников, то генерал Эйзенхауэр сделает все, чтобы в них участвовали люди специальной разведки.

Гордеев немного успокоился и сказал Ларисе, что следует подождать, как будут развиваться события. Про себя же он решил: да, возврат в Россию невозможен.

Он был уверен, что новая встреча с Брызгаловым – нереальна. Не мог он тогда даже и предположить, что очень часто фантазия является частью реальной жизни, и что его следующая встреча с Брызгаловым совсем не за горами.

Арест

Война приближалась к концу. После провала переговоров с американцами Вилли фон Бекенбауэр твердо решил использовать предложенный ему Борманом план скрыться в Аргентине. Все детали были хорошо продуманы. Организация отъезда находилась в руках специально подготовленных людей из секретного аппарата по эвакуации, контролируемого Борманом. Бекенбауэр предупредил Эрику и Рихарда о необходимости быть наготове.

В феврале 1945 года у Эрики, Рихарда и их сына Вилли были готовы все документы. В это же самое время Рихард получает указание Центра свернуть свою деятельность в Берлине и продвигаться к французской границе, где неподалеку от Рура, в немецкой деревне Райнхоф, находилась небольшая ферма шестидесятилетнего Ганса Фритштока.

Уже в который раз перед Брызгаловым стояла нелегкая задача. Его сыну Вилли исполнилось шесть лет, и отец не представлял себе, как сможет расстаться с ним или подвергнуть его опасности. Было ясно, что еще долгое время он будет нужен Центру в Европе, поэтому об Аргентине не могло быть и речи. Значит, надо убедить и Эрику, и ее отца двигаться отдельно, ведь семья с ребенком может вызвать подозрение и затруднить осуществление плана. Одинокая женщина с ребенком имеет больше шансов на успех. Рихард Штайнхоф сумел убедить и тестя, и жену.

Весной 1945 года Александр Брызгалов начинал новую жизнь. Он стал Томасом Штурмом, электриком из Касселя, который продвигается на запад Германии, где у него проживает дядя – Ганс Фритшток.

Перемещение по территории воюющей страны не было простой задачей. Томас выбирал самые отдаленные маршруты, отдыхая в заброшенных или разбомбленных деревнях.

Он проснулся от громкой речи на английском языке. Открыв глаза и увидев стоящих над ним трех американских солдат, Томас вскочил.

Брызгалов был великолепным артистом. Роль электрика ему нравилась. Американцы смотрели на перепуганного и жалкого деревенского мужика в гражданском. Они хотели оставить его в покое, но кто-то сказал:

– Команда была доставить в часть всех, кого обнаружим.

Томаса вместе с другими девятью немцами доставили через час в распоряжение американской части. Их поместили в одну небольшую охраняемую комнату и стали вызывать по одному на допрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.